

В. И. Иванов — В. Ф. Ходасевичу

*29 декабря 1924 г. Рим
Рим, 29/XII. 1924.*

Спасибо за дружеское Ваше письмо, дорогой Владислав Фелицианович, и сердечное Вам с супругою пожелание счастливого нового года. Как ни мрачен общий фон и Вашего и моего душевного настроения, по одинаковым причинам, в письме Вашем правильно отмеченным («Россия раскололась пополам, и обе половины гниют, каждая по своему»), — все-же мы оба, хоть физически-то, еще живы, а следовательно способны и к нечаянной радости, когда сильная светлая волна, откуда ни возмись, вдруг плеснет из неведомых родников души и непонятно освежит, оживит иссыхающую омертвелую душу. Вот такого-то счастья, прежде всего, и желаю Вам в новом году, желаю и себе; но Вам — с уверенною надеждой, себе же менее уверенно. Что до Вас, — слышал я с разных сторон столь восхищенные отзывы о Ваших стихах последнего времени, мне к сожалению неизвестных, — да и без этих отзывов так знаю Вас, лирического поэта, — что Вашей хандры, как бы ни была она глубоко оправдана, ежели только Муза с Вами, окончательно бояться не могу: когда в поэте затоскует Саул, закономерно поднимет в нем-же свой голос и Давид. Что до меня, — возможно, что в эту самую минуту, когда, говоря о Вас, невольно подбадриваю сам и самого себя, — Саул во мне стосковавшись по все чаще и слишком надолго пропадающем Давиде, сам пытается перебирать пальцами струны его заброшенной арфы, да не налаживается волшебная песня. И опять скажешь: не жизнь поэту без его живой страны, а в Москве, где я прожил летом, после 4-летнего сидения в Баку, три месяца и должен был надышаться хваленым «озоном», видел я только нервных больных под действием веселящего газа, и как ни уверял себя, что мертв я, а вокруг меня живые, глаза и сердце упорно отказывались свидетельствовать о жизни и радости, которые веют там, где дышет животворящий Дух. И жадно хотелось переменить воздух и оглядеться в Европе

и из Европы; но жизни на западе я также не узрел — и вот влачусь в пустыне мрачной. Остается обратить пустыню в пустынь, чего бы я и желал: другими словами, так как по истечении годовой командировки вернуться я не обязан, если не хочу сохранить за собой бакинской профессуры по классической филологии и поэтике — крепко думаю пустынножительство заграничное продолжить, — была бы только литературная или какая иная мне доступная работа. Похож я на Филоктета, оставленного с язвой и луком на пустынном острове. Разница же в том только, что на бедном Филоктете еще и зарок не употреблять в пищу зверей и птиц «не чистых», а «чистых» на окаянном острове так мало, что хоть помирай... (Вот, к примеру, вульгарность коего прошу мне извинить, — издатель Ваш не то чтобы стихи мои издать, даже обещанного гонорара выслать не хочет, ниже книжек «Беседы»...). Но возвращаюсь к новогодним размышлениям и наипаче желаю Вам избавиться в новом году, под милостивым влиянием соррентского воздуха и тепла, от этой ужасной Ваше хвори, которая, как Вы пишете, покоя Вам не дает, но заставляет непрестанно томиться и лечиться, — так что выходит: и Вы, Филоктет на острове. Дай Бог Вам поправиться и выздороветь окончательно. Дорогому Алексею Максимовичу передайте также мой новогодний привет и пожелания душевной свежести, и, доброго здоровья. Пока жму крепко Вашу руку и остаюсь сердечно преданный Вам

Вяч. Иванов

Гершензону я до сего дня из-за границы не писал, а потому и от него вестей не имел; в сентябре он должен был — из-за болезни — поехать за границу. Он говорил мне: «десять месяцев поживете там — и потянет неудержимо в Россию; через десять месяцев здесь — туда». Но, я-то другой человек, и привык за свою жизнь пустынножительствовать на Западе долгими годами и рядами лет, только укрепляясь в своем русском самочувствии.

Пишу для «Беседы» об «Идиоте». Не присоветуете ли чего-нибудь относительно изданий? Привет!

В. И.

